

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222282-293>

Исследовательская статья

Гезалова Нигяр Ровшан гызы
д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт Истории НАНА, Баку, Азербайджан
nigar22@gmail.com

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII ВЕКА О НАДИР-ШАХЕ АФШАРЕ

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование европейских представлений о личности и правлении Надир-шаха Афшара, сформированных в интеллектуальной и политической среде XVIII в. На основе анализа широкого круга дипломатических, мемуарных, миссионерских и историографических материалов рассматриваются механизмы конструирования образа восточного правителя в европейской культуре эпохи Просвещения. Выявляются ключевые нарративные стратегии, определившие репрезентацию Надир-шаха: от героизации «освободителя» и реформатора до создания устойчивого образа «восточного деспота», воплощающего идею неограниченной, разрушительной власти. Показано, что европейские интерпретации правления Надир-шаха формировались в рамках более широких просветительских дискурсов – критики деспотизма, роста интереса к универсальной истории, усилению колониального взгляда и попыток осмысления Востока как культурного и политического «Другого». В результате фигура Надир-шаха оказалась включена в бинарные схемы, противопоставлявшие «цивилизованный» Запад «варварскому» Востоку, что предопределило амбивалентность её трактовки в европейской историографии XVIII в. Критика «восточного деспотизма», интерес к «экзотическим» обществам и утверждение европоцентрической концепции исторического развития способствовали появлению противоречивого и амбивалентного образа Надир-шаха в европейской историографии. Сделанный анализ подчёркивает необходимость критической переоценки европейского корпуса источников с учётом их генезиса, риторических задач и широкого политико-интеллектуального контекста эпохи. Такой подход позволяет выявить механизмы, посредством которых мыслители Просвещения формировали и инструментализировали образ Надир-шаха в дискуссиях о природе власти, легитимности и цивилизационного развития. Он также даёт возможность восстановить более сложную, многослойную картину взаимных представлений и культурных проекций, определявших взаимодействие Востока и Запада в раннем Новом времени.

Ключевые слова: Надир-шах; европейские источники XVIII в.; ориентализм; биографическая традиция; просвещение; Восток в европейской мысли

Для цитирования: Гезалова Н.Р. Европейские источники XVIII века о Надир-шахе Афшаре // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 2. С. 282-293. doi.org/10.32653/CH222282-293

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222282-293>

Research paper

Nigar R. Gozalova
Dr. Sci., Assoc. Prof., Leading Researcher
Institute of History of ANAS, Baku, Azerbaijan
nigar22@gmail.com

EUROPEAN EIGHTEENTH-CENTURY SOURCES ON NADIR SHAH AFSHAR

Abstract. The article offers a comprehensive examination of eighteenth-century European representations of the personality and reign of Nadir Shah Afshar as they emerged within the intellectual and political milieu of the Enlightenment. Drawing on a wide range of diplomatic, memoir, missionary, and historiographical sources, it analyzes the mechanisms through which the image of an Eastern ruler was constructed in European culture of the period. The study identifies the key narrative strategies that shaped the representation of Nadir Shah— from the heroic portrayal of a “liberator” and reformer to the formation of a stable image of the “Oriental despot,” embodying the concept of unrestrained and destructive power. The article demonstrates that European interpretations of Nadir Shah’s rule took shape within broader Enlightenment discourses: critiques of despotism, the growing interest in universal history, the consolidation of a colonial gaze, and emerging attempts to conceptualize the East as a cultural and political “Other.” As a result, the figure of Nadir Shah became embedded in binary oppositions that contrasted the “civilized” West with the “barbaric” East, reinforcing the fundamentally ambivalent character of his portrayal in European historiography. Critiques of ‘Eastern despotism,’ fascination with ‘exotic’ societies, and the affirmation of a Eurocentric model of historical development contributed to the emergence of a contradictory and multifaceted image of Nadir Shah. The analysis underscores the need for a critical reassessment of this European corpus with close attention to its textual origins, rhetorical functions, and wider political-intellectual context. Such an approach makes it possible to uncover the mechanisms through which Enlightenment thinkers constructed and instrumentalized the figure of Nadir Shah in debates on political authority, legitimacy, and civilizational development. It also enables the reconstruction of a more complex, multilayered picture of the reciprocal perceptions and cultural projections that shaped interactions between East and West in the early modern period.

Keywords: Nadir Shah Afshar; eighteenth-century European sources; Orientalism; biographical tradition; Enlightenment; historiographical narratives; representation of the East

For citation: Gozalova N.R. European eighteenth-century sources on Nadir Shah Afshar. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 282-293. doi.org/10.32653/CH222282-293

© Gozalova N.R., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Введение

Историография XVIII века, посвящённая фигуре Надир шаха Афшара (1688–1747), представляет собой многоуровневый корпус источников, в котором сочетаются политические контексты и культурные способы репрезентации Востока, отражающие особенности восприятия и оценки Надир шаха в европейской интеллектуальной традиции. Этот корпус включает широкий спектр текстов – от дипломатических отчётов, миссионерской корреспонденции и мемуаров до историографических сочинений, путевых записок, а также публикаций в периодической печати. Их значимость заключается не только в документировании событий, связанных с эпохой Надир шаха, но и в отражении механизмов культурной трансляции, через которые Европа воспринимала и интерпретировала феномен восточной власти в эпоху Просвещения.

Именно в образе Надир шаха в европейской культуре эпохи Просвещения сошлись несколько ключевых тенденций: стремление к универсальной истории, интерес к «экзотическому» Востоку, усиленный ростом колониального взгляда и стремление осмыслить фигуры власти вне рамок европейской традиции. Издания, такие как *Gazette de France*, *Gazette d'Amsterdam*, *Gazette d'Utrecht*, *The London Gazette* и *The Gentleman's Magazine*, систематически освещали его кампании, придворную политику и реформы, формируя публичное мнение и предоставляя материал для более развернутых сочинений. Эти репортажи, наряду с дипломатической перепиской, отчётами миссионеров и книгами путешественников, служили источниковой базой для авторов, формировавших амбивалентное восприятие Надир шаха – от «Тамерлана» до «варвара».

Повышенное внимание к Надир шаху в европейском интеллектуальном пространстве XVIII века было обусловлено рядом факторов: беспрецедентными масштабами его военных кампаний, восстановлением кызылбашской государственности после глубокого кризиса – афганского вторжения, османской и российской интервенций, а также его исключительной военной энергией и выдающимися лидерскими качествами, проявившимися в процессе централизации власти и расширения территорий. Его личность активно обсуждалась в сочинениях французских, немецких, испанских, британских, голландских и российских авторов, где он одновременно предстаёт в двух взаимно противоречивых ролях – как «освободитель от иноземного ига» и как «восточный деспот», воплощение грубой силы и стратегической прозорливости.

Таким образом, корпус европейских источников XVIII века, посвящённый Надир шаху, – репрезентирует сложный культурно-идеологический конструкт, в котором пересекаются миссионерская риторика, просвещенческий дискурс, имперская стратегия и нарративные конвенции раннего Нового времени. Источники можно условно классифицировать по следующим группам: мемуары, письма, донесения очевидцев; путевые и дипломатические отчёты; хроники, биографии и переводы восточных сочинений; архивные материалы (переписка, донесения, шифровки, аналитические записки).¹

В рамках данной работы основной фокус будет сосредоточен на опубликованных сочинениях, появившихся при жизни Надир шаха или вскоре после его смерти. Их хронологический и тематический анализ позволит нам проследить, как формировался европейский образ Надир шаха, а также понять, каким образом эти представления соотносились с ключевыми идеями эпохи Просвещения – о власти, легитимности, цивилизации и инаковости.

Ранние европейские издания и формирование биографической традиции

Среди наиболее ранних европейских сочинений, посвящённых восхождению Надир шаха, особое место занимает труд немецкого публициста Давида Фассмана, изданный в Германии в 1738 году

¹ Среди европейских источников особое значение имеют отчеты, дневники и письма представителей Английской и Голландской Ост-Индских компаний (VOC). Отдельного упоминания заслуживает голландская документация, собранная и систематизированная Виллемом Флором в книге «The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company Reports 1730–1747» [10]. Этот труд основан на материалах – рапортах, отчетах, частных письмах и торговых донесениях. Благодаря высокой степени хронологической точности, он предоставляет данные о состоянии торговли, налоговой системе, военных конфликтах и политической ситуации в регионе глазами западных наблюдателей.

под литературным псевдонимом *Pithander von der Quelle*. Обширная работа «Происхождение, жизнь и деяния монарха Шаха Надира, ранее называвшегося Кули-ханом...» (*Herkunft, Leben und Thaten des Monarchens Schach Nadyr, vormals Kuli-Chan genannt...*) [28] представляет собой одно из первых биографических описаний восхождения Надир шаха, созданное ещё до индийского похода 1739 года. Фасман опирался на французские, голландские и немецкие реляции, официальные донесения и газетные известия, объединяя их в характерном для немецкой литературы XVIII века жанре историко-публицистического жизнеописания. В его изложении уже формируется ранний европейский образ Надир шаха как «освободителя», способного восстановить государственность после глубокого кризиса, вызванного афганской интервенцией. Автор подчёркивает военный талант, личную харизму и способность Надир шаха «возродить» страну, что отражает типичный для немецкого Просвещения интерес к фигурам «энергичных монархов», преодолевающих политическое разложение.

Другим ранним и весьма влиятельным европейским сочинением, посвящённым Надир шаху Афшару, принято считать труд «История Тахмас-Кули-хана, правителя...» (*Histoire de Thamas Kouli Kan, nouveau roi de Perse*), опубликованный в 1740–1741 годах в Амстердаме и Лейпциге [6], а затем переизданный в Париже в 1742 году [3]. Так в опубликованном в 1740 г., в Амстердаме и Лейпциге издании *Histoire de Thamas Kouli Kan*, впервые в европейской исторической литературе предпринята попытка дать систематизированное изложение восхождения Надир шаха, его военной деятельности и политических реформ. Источниковая база сочинения, по всей видимости, формировалась за счёт дипломатических донесений, газетных сводок и частных рассказов. В 1741 году появляется второе, дополненное издание, в которое включено описание индийской кампании Надир шаха. Текст содержит гетеродоксальные мнения, идеализирующие религиозную терпимость шаха и изображающие его как национального героя. Двухтомная публикация, (вероятно, второй том составлен другим автором), представляет собой первую европейскую биографию Надир шаха. Эти издания быстро приобрели популярность и были восприняты как достоверные источники, несмотря на ограниченный доступ авторов к первичным материалам. Вопрос об авторстве этого текста остаётся открытым. Так, анонимное издание 1740–1741 гг., в Амстердаме и Лейпциге, традиционно, хотя и условно, приписывалось Жану-Антуану Дю Серсо. Однако данная атрибуция вызывает обоснованные сомнения, поскольку Дю Серсо скончался в 1730 году, тогда как в тексте содержатся упоминания более поздних событий – в частности, индийского похода Надир шаха. Дю Серсо нам известен как редактор сочинений иезуита Т. Крусинского² [18; 19] о падении Сефевидов (изданных в 1728 году). Более обоснованной представляется версия, предложенная Руди Матэ, который подчёркивает анонимный характер двухтомного издания *Histoire de Thamas Kouli-Kan, Sophi de Perse* и связывает его появление с быстрым распространением новостей о походе Надир шаха в Индию. Так, первые подробные сведения об этой кампании, вероятно, были составлены агентами Голландской Ост-Индской компании в Бенгалии в 1739 году. Этот отчёт, опубликованный в Голландии в 1740 году, мог стать непосредственным источником анонимного издания 1741 года, вышедшего в Амстердаме и вскоре переведённого на английский [9], итальянский [8], испанский [7] языки. [23, p.112-113]

Парижская редакция 1742 года (*Histoire de Thamas Kouli Kan, nouveau roi de Perse*) традиционно связывается с именем аббата Андре де Клауэра.[3] Парижская редакция 1742 года (*Histoire de Thamas Kouli Kan, nouveau roi de Perse*) по сравнению с амстердамским изданием, носит более оформленный, литературно и концептуально проработанный характер. Этот текст не ограничивается простым изложением событий, но стремится интерпретировать фигуру Надир шаха в русле европейской интеллектуальной традиции XVIII века. По мнению современных исследователей парижское издание *Histoire de Thamas Kouli-Kan, nouveau roi de Perse*, «не являлось ни переизданием, ни новой редакцией анонимного амстердамского издания 1740 года, а представляло собой самостоятельный труд». Различия между амстердамским изданием 1740 года и *Histoire* де Клауэра весьма существенны – не только в отношении композиции текста и вариантов изложения, но и, что особенно важно, в присутствии некоторых нетрадиционных оценок и рассуждений, содержащихся в издании 1740 года и отсутствующих в тексте де Клауэра. [24, p.107] В нём прослеживается попытка представить Надир шаха как рационального

² Комплексный труд по истории региона начала XVIII в. иезуита Тадеуша Крусинского, редактированный Антуаном Дю Серсо, представляет собой одну из первых попыток систематического изложения событий в Сефевидском государстве в начале XVIII в. [18]. В английской версии [19] текст снабжён картой и краткой историей династии Сефевидов. Однако он охватывает события до прихода Надир шаха к власти и ограниченно применим к периоду его правления.

правителя и реформатора, освободившего Сефевидское государство от внешнего господства и восстановившего политический порядок. Он изображён как властная фигура, способная объединить страну и навести дисциплину, что позволяет рассматривать данный образ как элемент более широкой политической типологии «восточного монарха», формировавшейся в европейском восприятии в эпоху Просвещения. Издание имело широкий резонанс: оно было быстро переведено и на русский [17] язык, что свидетельствует о высоком и устойчивом интересе к фигуре Надир шаха в контексте европейской политики, колониальной экспансии и философии Просвещения. Его влияние ощущается в последующих сочинениях Джеймса Фразера, Джона Ханвея, Жана Оттера и других, для которых издание *Histoire de Thamas Kouli Kan*, часто служило отправной точкой в осмыслении Востока и его правителей. Таким образом, корпус текстов, связанный с так называемой *Histoire de Thamas Kouli Kan*, представляет собой не просто раннее европейское изложение биографии Надир Шаха, но и важный историографический источник, демонстрирующий, как Европа адаптировала и переосмысливала восточные реалии сквозь призму собственных идеологических и политических ориентиров.

Особое место в корпусе европейских источников занимает испанская биография Надир шаха под заглавием «Жизнь Тахмас-Кули-хана: от его рождения до триумфального входа в Исфахан, после его победоносных походов против Великого Могола и Великой Бухарии» (*Vida de Thamas Kouli-Kan: desde su nacimiento, hasta su entrada triunfante en Hispahan...*) [23], изданная в Мадриде в 1741 году. Книга опубликована под псевдонимом *Le-Margne*, за которым скрывается Сальвадор Хосе Маньер (*Salvador José Mañer*, 1676–1751) – известный испанский публицист, историк и автор историко-политических сочинений. Это одно из первых испаноязычных сочинений, посвящённых фигуре Надир шаха, опубликованное вскоре после его индийского похода 1739 года, в период его наибольшего политического и военного могущества. Маньер, не будучи непосредственным свидетелем событий, компилирует известные ему сведения из вторичных источников, формируя литературный образ восточного властителя в духе героико-монархической традиции XVIII века. Биография следует жанровым канонам «жизнеописания великих мужей», объединяя элементы просветительской апологии сильной власти, милитаристского пафоса и характерной для эпохи ориенталистской стилистики.

По сравнению с британскими и французскими трактовками, текст Маньера отражает специфически испанскую – иберийскую – интерпретацию восточной государственности. Надир представлен как победоносный властитель, покоривший Великого Могола и Бухару, чья экспансия осмысливается автором не просто как факт восточной политики, но как звено в универсальной истории империй. Таким образом, испанское сочинение Маньера становится значимым примером идеологического и культурного восприятия восточной власти в католической Европе середины XVIII века.

Почти одновременно с выходом парижского издания Клоэстра в британской историографии появляется труд Джеймса Фразера – «История Надир шаха, ранее известного как Тахмасп Кули хан» (*The History of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan*, 1742) [11], ставший первой англоязычной биографией Надир Шаха. Автор стремился соединить элементы нарративной историографии с фактическим материалом, полученным из британских и восточных источников. Несмотря на заявленное в предисловии стремление к «достоверности» и использованию «сведений из первых рук», сам Фразер никогда не бывал в регионе и не имел личного контакта с Надир шахом. Его деятельность в 1730-х годах была сосредоточена в пределах Индии, где он служил в факториях Ост-Индской компании, включая Сурат, Камбей и Ахмедабад. Ключевым источником информации для Фразера стал неназванный британский агент, находившийся в государстве Афшаров и лично знакомый с шахом. На основании архивных изысканий Л. Локкарта с высокой степенью достоверности можно утверждать, что этим агентом был Вильям Коккелл – представитель Ост-Индской компании в Исфахане в первой половине 1730-х годов и позднее – агент в Гомбруне (Бендер-Аббасе). Его официальные донесения, письма и отчёты, вероятно, направленные в адрес Фразера после перевода Коккелла в Бомбей в 1737 году, легли в основу описания раннего периода правления Надир шаха. Особое значение в работе Фразера имеют включённые в текст переводы с персидского писем и мемуарных записей, приписываемых Мирзе Заман-хану, в которых освещаются события индийского похода 1739 года, включая взятие и разграбление Дели. [22, с.370-371] Эти материалы, независимо от степени их достоверности, оказали значительное влияние на восприятие фигуры Надир шаха в европейском пространстве, формируя образ правителя, сочетающего исключительные военные способности с жёсткими методами управления покорёнными территориями. С позиций современной историографии, работа Фразера представляет собой не только

биографическое изложение, но и один из наиболее содержательных и информативных ранних источников по истории Надир Шаха. Благодаря взвешенному стилю изложения и опоре на документальные свидетельства, сочинение Фразера до настоящего времени сохраняет исследовательскую ценность.

Важным свидетельством европейского восприятия фигуры Надир шаха в период его фактического правления является труд Джеймса Спилмана «Путешествие через Россию в Персию...» (*A Journey Through Russia into Persia...*) [30] опубликованного в Лондоне в 1742 г. Автор – Джеймс Спилман (1680–1763), влиятельный купец Московской компании и член Лондонского королевского общества, торговавший в России и сыгравший ключевую роль в заключении англо-российского торгового договора 1734 года. В своей книге он излагает сведения об экспедиции, предпринятой капитаном Джоном Элтоном (ум. 1751) и купцом Манго Грэмом (ум. ок. 1747), сосредоточенной на разведке торговых маршрутов через Каспий. В приложении к основному тексту содержится краткий очерк о восхождении Надир шаха к власти и его военных успехах. [30, р. 51-60] Источник представляет интерес как раннее европейское свидетельство о политической ситуации в регионе и о репрезентации восточного правителя в контексте британских стратегических интересов на Кавказе и в Передней Азии.

Значительный вклад в формирование представлений о правлении Надир Шаха в европейской интеллектуальной среде XVIII века принадлежит французскому дипломату, ориенталисту и путешественнику Жану Оттеру, автору сочинения *Путешествие в Турцию и Персию с описанием экспедиций Тахмас-Кули-хана*, (*Voyage en Turquie et en Perse, avec une relation des expéditions de Tahmas Kouli-Khan*, 1748).³ [27] В предисловии к своему труду Оттер указывает, что основу исторических сведений составили устные рассказы, мемуары и рукописи, полученные от непосредственных участников или свидетелей событий. Среди его информаторов были представители афшарской элиты – в частности, Абдул-Баги-хан, посол при османском дворе, а также члены его свиты, с которыми Оттер сопровождал дипломатическую миссию из Стамбула в Иран в 1736–1737 годах. Дополнительные сведения он собирал от жителей Исфахана и других городов. Особое внимание автор уделяет индийскому походу Надир Шаха 1739 года, опираясь, по его утверждению, на ныне утраченный источник – *Relation en langue persane écrite à Dilli l'an 1153 de l'hégire* (1740 г.). [22, с.372] Несмотря на декларируемую опору на первоисточники, исторический раздел сочинения демонстрирует значительное сходство с работой Джеймса Фразера (*The History of Nadir Shah*, 1742), особенно в изложении происхождения Надир шаха, его ранних кампаний и захвата Дели. Это позволяет предположить, что Оттер, хотя и не ссылается напрямую, использовал труд Фразера как модель для реконструкции биографии шаха.

Наибольшую ценность работа Оттера представляет в тех частях, где он опирается на собственные наблюдения. Он подробно описывает маршрут путешествия от османских территорий до Исфахана, где провёл около полутора лет, а также последующую поездку в Басру и возвращение через территорию современного южного Ирака. Благодаря знанию языков и с помощью переводчиков, Оттер активно контактировал с представителями различных сословий, включая чиновников, духовенство и простое население. Особое внимание в его описаниях уделено социальному и экономическому положению в государстве Афшаров в 1739 году – нищете, депопуляции, разрушенной инфраструктуре. Также содержатся ценные сведения о правлении Ахмеда-паши в Багдаде, его политике в отношении арабских племён и отношениях с шахом. [22, с.373] Таким образом, несмотря на ограниченность источниковой базы и определённую литературную стилизацию, труд Жана Оттера⁴ представляет собой важный текст для анализа социальной и политической ситуации в регионе периода Надир Шаха, а также для изучения процессов формирования ориенталистского дискурса в европейской культуре XVIII века.

Одним из наиболее обстоятельных трудов французской историографии, посвящённых политическим и военным трансформациям в регионе в первой половине XVIII века, является трёхтомное сочинение Луи-Андре де Ла Мами-Клерака «История Персии с начала этого века» (*Histoire de Perse, depuis le commencement de ce siècle*), опубликованной в Париже в 1750 г. [4] Эта работа представляет собой попытку систематического описания событий в Сефевидском государстве от начала афганского восстания и падения династии Сефевидов до возвышения Надир шаха, с охватом периода вплоть до 1739 года. Несмотря на то, что сам автор не посещал территорию Ирана – он находился в Стамбуле

3 Книга была издана в год смерти автора – Оттер скончался 26 сентября 1748 года, и до сих пор остаётся неясным, увидела ли книга свет до или после его смерти.

4 Интересно что рукописные версии *Журнала Оттера*, хранящиеся в Национальной библиотеке Франции, содержат текстологические расхождения с опубликованным вариантом и включают дополнительные материалы, в том числе сведения о Надир шахе, Персидском заливе и британском влиянии в регионе [22, с.373].

в 1724–1727 годах – его труд опирается на широкий корпус документальных и нарративных источников, собранных через дипломатические каналы, переписку с французскими консулами, а также рассказы европейских путешественников. Наиболее обширная часть труда охватывает события до 1730 г. и посвящена главным образом борьбе между афганскими завоевателями и кызылбашским сопротивлением, возглавленным шахом Тахмаспом II (1723–1732) и полководцем Надир шахом. [22, с.373–374] В третьем томе приводятся документы мемуарного характера, включая дипломатическую переписку и отчёты очевидцев, в которых отражены важнейшие эпизоды освобождения Сефевидского государства от афганского господства. Образ Надир шаха в трактовке Ла Мами-Клерака отличается сбалансированностью: он представлен как полководец и реформатор, сумевший восстановить централизованную власть, провести военные и административные реформы, обеспечить внешнеполитическое могущество и частично стабилизировать внутреннее положение страны. При этом подчеркивается его политический прагматизм, религиозная гибкость и способность к мобилизации ресурсов в условиях кризиса. Надир шах представлен как правитель, чья власть опиралась не только на военные достижения, но и на способность к организационному обновлению государства.

Особое место в корпусе европейской литературы XVIII века о Надир шахе Афшаре занимает сочинение Жан-Пьера де Бугенвиля – «Сопоставление похода Александра с завоеваниями Тахмасп-Кули хана⁵ в Индии» (*Parallèle de l'expédition d'Alexandre dans les Indes avec la conquête des mêmes contrées par Thamas-Kouli-Kan*) [2], написанное секретарём Академии надписей и изящной словесности и опубликованных в Париже в 1752г. Это произведение представляет собой философскоисторическое эссе, в котором автор предлагает концептуальное сопоставление двух великих завоевателей – Александра Македонского и Надир шаха. Однако речь идёт не столько о параллели, сколько о жёстком контрасте: фигура Надир шаха предстаёт в резком антагонизме к образу «просвещённого» античного полководца. Бугенвиль с самого начала устанавливает дистанцию между своими героями, подчёркивая, что для Александра завоевания были следствием «избыточной страсти к славе», тогда как действия Надир шаха диктовались разрушительной жадностью власти и богатства. [2, р. 9–10] В этом контексте он называет шаха «бедствием Азии» и отвергает его претензии на звание «второго Александра». [2, р. 84] Особенно резко автор осуждает индийский поход Надир шаха, характеризуя его не как военную экспедицию, а как «набег», проведённый с жестокостью и варварством. Разрушение Дели, по словам Бугенвиля, лишают Надира права на историческое оправдание: «резня в Дели делает его объектом ужаса для всего человечества» [2, р. 133–134]. Ключевое различие между двумя завоевателями, по мысли автора, заключается не только в мотивации, но и в последствиях: Александр оставил города, науку и инфраструктуру, тогда как Надир не создал ничего долговечного: его правление завершилось новым циклом насилия и дестабилизации. С этой точки зрения его походы оцениваются как несущие разрушение, а не как вклад в укрепление порядка и культуры. Бугенвиль отказывает Надиру в исторической легитимности, выводя его из круга героев и помещая в разряд тиранов и разрушителей [2, р. 141].

Таким образом, сочинение Бугенвиля представляет собой пример не только просвещённой критики восточного деспотизма через сопоставление с фигурами классической античности, но и характерное выражение европоцентрического взгляда XVIII в. В этом сопоставлении Александр Македонский выступает не просто как исторический контрапункт Надир шаху, а как символ «просвещённого» Запада, наделённого рациональностью, моральной дисциплиной и созидательной энергией. Восток же, воплощённый в фигуре Надир шаха, предстает в глазах автора пространством варварства, произвола и разрушения. [23, р.118–122] Такая оппозиция задаёт не только концептуальные рамки аргументации Бугенвиля, но и отражает один из ключевых структурных принципов дискурса французского Просвещения – представление об универсальной иерархии цивилизаций, в которой Европа выступает как носитель рационального порядка, морального прогресса и исторической нормативности, тогда как Восток репрезентируется как пространство культурной отсталости и политического произвола.

Среди британских авторов XVIII в., писавших о фигуре Надир шаха Афшара, особое место занимает Джонас Ханвей – дипломат, коммерсант и путешественник, автор четырехтомного труда «Исторический отчет о британской торговле через Каспийское море» (*An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with a Journal of Travels through Russia into Persia*), впервые изданного в Лондоне в 1753 году (второе, значительно дополненное издание – 1762). [13] Эта работа приобрела широкую

5 В названии сочинения имя «Тахмасп-кули хан» («раб Тахмаспа») обозначает будущего Надир шаха Афшара; это имя он принял после вступления на службу к шаху Тахмаспу II.

известность как в Британии, так и на континенте, став одним из важнейших европейских источников о внутренней и внешней политике государства Афшаров, торговой активности Ост-Индской компании и российско-сефевидских отношениях. Труд Ханвея неоднороден по степени достоверности. Его личные наблюдения, в частности описание лагеря Надир шаха, который он посетил в связи с попытками добиться компенсации за понесённые торговые убытки, или свидетельства о волнениях в Астрабаде, имеют ценность как первичные источники. Однако обобщающие суждения, основанные на устных рассказах и переработанных европейских публикациях, требуют осторожного и критического прочтения. Первые два тома содержат путевые записки, включающие ценные наблюдения очевидца, в том числе подробное описание лагеря Надир шаха, сообщения различного характера об истории и о состоянии британской торговли с Востоком через Россию, повествования о поездках, предпринятых самим Ханвеем и иными лицами. Последние два тома представляют собой историю региона за период с 1722 по 1749 год, в значительной мере основанную на более ранних трудах. Значимым вкладом Ханвея стала публикация отрывков из трудов и писем таких фигурантов, как Джон Элтон, Вудруф, Томпсон и фон Мьероп – европейцев, находившихся в регионе в годы правления Надир шаха. [22, с.376] Эти документы могли бы быть утрачены, если бы не редакторская работа Ханвея. Кроме того, значительная часть сведений о Надире во время индийской кампании 1739 года заимствована из сочинения Джеймса Фразера, Луи-Андре де Ла Мами-Клерака, а также из труда Жана Оттера. После 1741 года автор дополнял свои материалы сведениями, полученными от европейцев, проживавших в государстве Афшаров, в том числе от католического священника и личного врача Надир шаха – Луи Базена, а также, возможно, от доктора Джона Кука – участника российского дипломатического посольства под руководством М. М. Голицына в 1746 году. [22, с.376]⁶ Одной из характерных особенностей сочинения Джона Ханвея является трактовка Надир шаха как узурпатора, движимого прежде всего стремлением к власти и личному обогащению. Для Ханвея Надир воплощает «искусство жестокости», ставшее в глазах Европы символом Ирана после падения Сефевидов. [24, р.114] Несмотря на указанные ограничения сочинение Джона Ханвея сохраняет значение как важный исторический источник британского коммерческого и дипломатического присутствия на Каспии, и занимает одно из ключевых мест в историографии XVIII века.

Среди источников, созданных непосредственными современниками Надир шаха Афшара, особый интерес представляют свидетельства французского иезуита Луи Базена [1] – миссионера и врача, находившегося в регионе в 1730–1740-х годах. Получив богословское и медицинское образование во Франции, Базен прибыл в регион около 1735–1736 годов в составе католической миссии. По его собственным сообщениям, в 1740-х годах он неоднократно находился вблизи мест, связанных с военными и придворными перемещениями Надир шаха, и стал свидетелем ряда событий, предшествовавших его смерти в 1747 году. Хотя свидетельств о личных встречах с шахом не сохранилось, наблюдения Базена ценны как взгляд европейского участника, находившегося в регионе в последние годы правления Надир шаха.

Наиболее значимые письменные свидетельства Базена – два письма, датированные 2 февраля 1751 года и отправленные из Бендер-Аббаса Пьеру Роджеру (*Procureur général des Missions du Levant*). Эти письма были опубликованы в составе авторитетной серии *Lettres édifiantes et curieuses*, представляющей собой важный корпус миссионерской корреспонденции XVIII века.⁷ Первое письмо содержит краткий обзор биографии Надир шаха и политической ситуации до 1741 года, но основная часть повествования начинается с Дагестанской кампании. [1, pp. 277–321] Описания Базена обладают высокой степенью детализации, характерной для наблюдателя, близкого к кругам, сопровождавшим шаха, что придаёт источнику особую ценность. Наибольший интерес представляет изложение событий, связанных с гибелью Надир шаха. Автор указывает, что находился в военном лагере в момент убийства, и приводит свидетельства, позволяющие реконструировать обстановку и атмосферу последних дней правления шаха. Приложенный к письму план лагеря также служит важным визуальным источником,

6 Мемуары Джона Кука, шотландского врача из Гамильтона, безусловно представляют интерес для изучения истории региона. Он в качестве врача сопровождал посольство князя Голицына ко двору Надир шаха. Подробнее о посольстве князя Голицына смотри Гезалова Н.Р. [12, р. 238] Однако, поскольку на момент его приезда Надир шах уже был убит, в рамках настоящего исследования мы не рассматриваем его наблюдения как непосредственный источник о правлении Афшара. Тем не менее в своём труде Кук уделяет значительное внимание оценке личности Надир шаха и подчёркивает преимущественно негативные стороны его характера, описывая его как человека кровожадного и необразованного [4, Vol. 2, p. 508].

7 См.: Мусаев М. А., Абакаров И. М. [26, р. 556–572].

уточняющим пространственную организацию военного стана. Второе письмо содержит сведения о событиях после смерти Надир шаха, в частности о борьбе за власть, низложении и казни Адиль шаха в 1749 году. [1, pp. 322–353] Несмотря на сжатость, корреспонденция Базена позволяет судить не только о политических процессах, но и о настроениях при дворе и восприятии шаха его окружением в завершающий период Афшаридской эпохи.

Британский востоковед Уильям Джонс стал одной из ключевых фигур в формировании британской ориенталистской традиции второй половины XVIII века и оказал значительное влияние на репрезентацию Востока в европейской научной и политической мысли.⁸ Значительный вклад в формирование позднего европейского взгляда на фигуру Надир-шаха внёс перевод, выполненный Джонсом по заказу датского королевского двора, хроники, известной под названием «Тарих-и Надири» (*Tārīkh-e Nāderī*)⁹. Этот труд представлял собой адаптацию оригинальной персидской хроники, составленной Мирзой Мехди-ханом Астрабади – придворным историографом и секретарём самого Надир шаха. Хроника, охватывает основные этапы жизни и правления монарха, включая его военные походы, административные реформы и внешнюю политику. Сначала она была издана на французском языке под заглавием «История Надир шаха, известного под именем Тахмаса-Кули-хана, императора Персии» (*Histoire de Nader Chah, connu sous le nom de Thamas Kouli Khan, empereur de Perse*) в Лондоне в 1770г. [15], а затем – на английском языке как «История жизни Надир шаха, короля Персии» (*The History of the Life of Nader Shah, King of Persia*) в Лондоне в 1773г. [16] Несмотря на апологетический стиль текста, в комментариях Джонса прослеживаются попытки ввести элементы просвещённой критики: концентрация власти, милитаризм и риторика насилия рассматриваются как проявления «инаковости» восточной государственности³. Эти акценты соответствуют логике ориенталистского дискурса, в рамках которого Восток одновременно восхищает и тревожит, являясь экзотическим и иррациональным «Другим». Как справедливо указывает Эдвард Саид, подобные переводы и трактовки Востока выполняли не только познавательную, но и идеологическую функцию, формируя образ Востока как пространства деспотии, подлежащего изучению, интерпретации и, в перспективе, управлению [28, p. 3].

Значимым эпистемологическим источником эпохи Просвещения, в котором формируется концептуализированный образ Востока и, в частности, фигуры Надир шаха, являются статьи Луи де Жокура в *Энциклопедии, или Разумном словаре наук, искусств и ремёсел* (*Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*), редактируемой Дени Дидро и Жаном Лероном д'Аламбером. Особенно показательные характеристики Востока содержатся в статьях «Отечество» (*Patrie*) и «Персидская империя» (*Empire de Perse*), опубликованных в XII томе энциклопедии (1765). [14] В статье «Персидская империя» Надир шах представлен как фигура, символизирующая крушение легитимной власти и утрату устойчивости государства. Его приход к власти трактуется не как проявление реформаторского гения или национального возрождения, а как насильственная узурпация, разрушающая преемственность династии. Афшарская монархия, по Жокуру, – это воплощение восточной деспотии, где государство зиждется не на праве и общественном договоре, а на милитаризованном произволе правителя. В статье «Отечество» Жокур развивает более широкую философско-политическую позицию, противопоставляя Восток Европе как пространство, лишённое подлинного гражданского сознания. По его мнению, в условиях неограниченной власти, основанной на страхе и подавлении, невозможно существование подлинного отечества и гражданской добродетели. Надир шах здесь выступает как антипод гражданского правителя, разрушитель общественных связей и морали. Он не законодатель и не созидатель, а симптом системной деспотии. [25, p.117-118] Таким образом, Жокур, выступая в русле просветительской критики восточного деспотизма, использует фигуру Надир шаха не как объект исторического анализа, а как риторический ресурс, с помощью которого утверждается нормативная модель европейской государственности. Его трактовка – не столько попытка понять Восток, сколько способ очертить границы допустимого для «цивилизованной» политики. Это демонстрирует, как философский дискурс *Энциклопедии* использовал конкретные фигуры – в том числе Надир

8 Одним из первых его трудов стала грамматика персидского языка, опубликованная вскоре после окончания Оксфорда, в период начала юридической карьеры. Эта работа обучала персидскому языку на основе аутентичных литературных текстов и содержала раздел «Каталог наиболее ценных книг на персидском языке» (*Catalogue of the Most Valuable Books in the Persian Language*). Поскольку персидский язык продолжал оставаться официальным языком судопроизводства в Британской Индии вплоть до середины XIX века, издание Джонса приобрело практическое значение для подготовки кадров Ост-Индской компании.

9 В годы правления короля Кристиана VII 1766–1808 гг.

шаха – для аргументации универсалистских моделей власти, где Восток служит негативным фоном для просвещённой Европы.

Заключение

Период правления Надир шаха Афшара отличается необычайной насыщенностью с точки зрения источниковедения. Как справедливо отмечают современные исследователи, первая половина XVIII века представляет собой поворотный момент в истории Ирана и народов Южного Кавказа. Правление Надир шаха Афшара (1736–1747) стало временем институциональных и культурных трансформаций, последствия которых ощущались ещё многие десятилетия. Исследования, посвящённые этой эпохе, начались ещё при жизни шаха и продолжаются по сей день, формируя богатейшую библиографию на разных языках. В сравнении с предшествующими столетиями, он представляет собой наиболее полно освещённый этап в истории Ближнего Востока раннего Нового времени. Хотя официальные архивные материалы – такие как фирманы, указы, налоговые реестры, переписные книги и прочие административные документы – дошли до нас лишь фрагментарно, компенсировать этот пробел позволяют многочисленные иностранные свидетельства. Наибольшую ценность среди них составляют в том числе и европейские источники, как официальные, так и частные, созданные как при жизни шаха, так и вскоре после его смерти.

XVIII век был эпохой не только политического, но и эпистемологического перелома – временем, когда Европа стремилась осмыслить Восток как часть собственной интеллектуальной географии. В этом контексте фигура Надир шаха выступает как точка пересечения восточных политико-религиозных традиций и европейских представлений о Востоке. Особый интерес представляют сочинения, непосредственно посвящённые Надир шаху и появившиеся ещё при его жизни. Эти тексты, несомненно, формируют важнейший корпус знаний о шахе и его эпохе. Однако интерпретация их содержания требует предельной критичности, поскольку они возникали в контексте складывающейся в XVIII веке идеологической оптики европейского восприятия Востока. В этот период европейские государства, движимые промышленной революцией и стремлением к внешнему господству, активно расширяли свои границы на юг и восток, превращаясь в колониальные державы. Их экспансия сопровождалась не только военной, но и интеллектуальной экспансией: формировался дискурс, противопоставлявший «цивилизованный Запад» и «варварский Восток», где восточные правители, несмотря на признание их достижений, всё чаще представлялись как деспоты, воплощавшие иррациональное насилие и жестокость.

Надир шах, достигший вершины политической и военной власти, стал объектом именно такой двойственной репрезентации. Его образ, с одной стороны, вызывал восхищение масштабом реформ, военным гением и энергией, а с другой – подвергался риторической демонизации: акцент делался на его суровости и якобы патологической жестокости. Во многих текстах эти черты не только преувеличивались, но и порой основывались на косвенных свидетельствах, не всегда полученных из первых рук. Это создаёт необходимость пересмотра ряда интерпретаций с учётом более широкой контекстуализации и критического анализа нарративных стратегий.

Следует особо подчеркнуть, что жесткость и суровость, приписываемые Надир шаху как в европейских, так и в некоторых восточных источниках, вряд ли выходили за пределы политической и военной нормы своего времени. Эпоха XVIII века, особенно в условиях военных конфликтов и смены династий, характеризовалась высокой степенью насилия, воспринимаемого как допустимый инструмент управления и консолидации власти. На Востоке традиционные формы государственности зачастую основывались на личной военной доблести, способности к мобилизации ресурсов и демонстрации силы как средства удержания и легитимации власти. Лидерство в подобных условиях предполагало не только административную эффективность, но и умение поддерживать личную репутацию через серию успешных военных кампаний и публичных актов возмездия, что воспринималось как необходимое условие стабильности и порядка в обществе. В этом контексте многие действия Надир шаха – включая подавление мятежей, восстановление контроля над Афганистаном, военную кампанию в Индии и усилия по централизации власти – не представляли собой исключение, но, напротив, укладывались в устойчивую

политическую парадигму, характерную для региональной модели правления раннего нового времени.

Надир шах, бесспорно, входит в число трёх величайших полководцев Востока наряду с Чингисханом и Тамерланом. Его стремительная военная карьера, позволившая ему из простого офицера выдвинуться на вершину власти, а затем осуществить ряд масштабных военных кампаний от Багдада до Индии, делает его фигурой, сопоставимой по размаху и последствиям с вышеупомянутыми завоевателями. При этом, в отличие от своих предшественников, Надир шах действовал в условиях глубокой политической фрагментации и институционального распада, ставших следствием кризиса позднесефевидской государственности. Тем не менее, его деятельность выходила за рамки роли полководца: он проявил себя как прагматичный и целеустремлённый правитель, стремившийся восстановить управляемость, укрепить централизованную власть, модернизировать армию и выстроить устойчивые механизмы контроля над подчинёнными регионами. Таким образом, сложившийся в европейской историографии негативный образ Надира шаха – не просто следствие объективного анализа его деятельности, но результат функционирования идеологически нагруженных репрезентаций. Эти нарративы оказали долговременное влияние на восприятие Надира как фигуры, чья историческая роль нуждается в переосмыслении с опорой на критическое источниковедение, сравнительную политическую теорию и постколониальную оптику.

Современная историография, как и востоковедение в целом, стоит перед необходимостью устранения искажённых интерпретаций, накопленных за два с половиной столетия. Расширение корпуса источников – включая недавно введённые в научный оборот голландские, русские и османские документы – открывает возможность для более комплексного, сравнительного анализа. Важнейшая задача исследователя – сопоставить все типы источников: нарративные, дипломатические, эпистолярные – и на этой основе выработать целостное понимание роли Надира шаха в истории региона. Только при таком подходе возможно объективное осмысление его наследия – не как «восточного деспота» или «завоевателя», а как исторического архитектора эпохи, чья деятельность определила траекторию развития Ближнего Востока в XVIII веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bazin L. Lettres du Père Bazin sur les derniers jours de Nadir Shah. In: Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères, par quelques missionnaires de la Compagnie de Jésus. Nouvelle édition. T. IV: Mémoires du Levant. Paris: J.-G. Mérigot le jeune, 1780. С. 277–321; 322–353.
2. Bougainville J.-P. de. Parallèle de l'expédition d'Alexandre dans les Indes avec la conquête des mêmes contrées par Thamas-Kouli-Kan. Paris: H.-L. Guérin, 1752.
3. Claustre A. de. Histoire de Thamas-Kouli-Kan, surnommé Nadir-Schah, roi de Perse. Paris: Briasson, 1742.
4. Clairac L.-A. de. Histoire de Perse, depuis le commencement de ce siècle. Paris: Jombert, 1750.
5. Cook J. Voyages and Travels through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia. Edinburgh: for the Author, 1770–1778. 2 vols.
6. Du Cerceau J.-A. Histoire de Thamas Kouli-Kan, Sophi de Perse. Amsterdam; Leipzig: Arkstée et Merkus, 1740–1741. 2 vols.
7. Du Cerceau J.-A. Historia de Thamas Kouli-Kan, Sophi de Persia. Madrid: Oficina de los herederos de Juan de Ariztia, 1742.
8. Du Cerceau J.-A. Istoria di Thamas-Kouli-Kan, Sofi di Persia. Venezia, 1740–1741. 2 vols.
9. Du Cerceau J.-A. The History of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia. London: J. Brindley; J. Hodges; C. Corbett; A. Millar; J. Nourse, 1740.
10. Floor W. The Rise and Fall of Nader Shah: Dutch East India Company Reports, 1730–1747. Washington: Mage Publishers, 2009.
11. Fraser J. B. The History of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan, the Present Emperor of Persia. London: A. Millar, 1742.

REFERENCES

1. Bazin L. *Letters of Father Bazin on the final days of Nadir Shah. In: Edifying and curious letters, written from foreign missions, by some missionaries of the Society of Jesus. New edition. Vol. 4: Memoirs of the Levant.* Paris: J.-G. Mérigot le jeune, 1780, pp. 277–321; 322–353.
2. Bougainville J.-P. de. *Parallel of Alexander's expedition to the Indies with the conquest of the same regions by Thamas-Kouli-Kan.* Paris: H.-L. Guérin, 1752.
3. Claustre A. de. *History of Thamas-Kouli-Kan, nicknamed Nadir-Shah, King of Persia.* Paris: Briasson, 1742.
4. Clairac L.-A. de. *History of Persia, since the beginning of this century.* Paris: Jombert, 1750.
5. Cook J. *Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary, and part of the Kingdom of Persia.* Edinburgh: for the Author, 1770–1778. 2 vols.
6. Du Cerceau J.-A. *History of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia.* Amsterdam; Leipzig: Arkstée et Merkus, 1740–1741. 2 vols.
7. Du Cerceau J.-A. *History of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia.* Madrid: Oficina de los herederos de Juan de Ariztia, 1742.
8. Du Cerceau J.-A. *History of Thamas-Kouli-Kan, Sophi of Persia.* Venezia, 1740–1741. 2 vols.
9. Du Cerceau J.-A. *The history of Thamas Kouli-Kan, Sophi of Persia.* London: J. Brindley; J. Hodges; C. Corbett; A. Millar; J. Nourse, 1740.
10. Floor W. *The rise and fall of Nader Shah: Dutch East India Company reports, 1730–1747.* Washington: Mage Publishers, 2009.
11. Fraser JB. *The history of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan, the present Emperor of Persia.* London: A. Millar, 1742.

12. Gozalova, N.R. Russian diplomatic representatives in the Afshars' state // *Historia i Świat*. 2025. № 14. С. 231–242. DOI: 10.34739/his.2025.14.14.
13. Hanway J. *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: With a Journal of Travels through Russia into Persia*. London: Dodsley, 1753. Vol. 1–4.
14. Jaucourt L. de. *Empire de Perse; Patrie*. In: *Encyclopédie... T. XII*. Paris: Briasson, 1765. С. 178–180; 501–507.
15. Jones W. *Histoire de Nader Chah*. London: Elmsly, 1770.
16. Jones W. *The History of the Life of Nader Shah*. London: Cadell, 1773.
17. Клостр А. де. *История о персидском шахе Тахмас Кулыхане*. Санкт-Петербург: При Шляхетном кадетском корпусе, 1762.
18. Krusiński T. J. *Histoire de la dernière révolution de la Perse*. Amsterdam: Gross & Neaulme, 1728. Vol. 1–2.
19. Krusinski T. J. *The History of the Late Revolutions of Persia*. 2nd ed. London: J. Osborne, 1740. 2 vols.
20. La Mamie de Clairac L.-A. *Histoire de Perse, depuis le commencement de ce siècle*. Paris: C. A. Jombert, 1750.
21. Lockhart L. *Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources*. London: Luzac & Co., 1938.
22. Локкарт Л. *Надир шах. Критическое исследование...* Пер. Н. П. Гезаловой. Баку: Ганун, 2004.
23. Mañer S. J. *Vida de Thamas Kouli-Kan: desde su nacimiento, hasta su entrada triunfante en Hispahan, después de sus victoriosas empresas contra el Gran Mogòl, y la grande Buckaria*. Madrid: Imprenta del Reyno, en casa de Juan del Castillo, 1741.
24. Matthee R. *The wrath of God or national hero? Nader Shah in European and Iranian historiography* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2024. Т. 34, № 1. С. 109–127. DOI: 10.1017/S1356186322000694.
25. Minuti R. *Oriental patriotism? Eighteenth-century French representations of Nadir Shah* // *Persia and the Enlightenment* / Eds. C. Masroori, W. Mannies, J. C. Laursen. Oxford: Voltaire Foundation; Liverpool University Press, 2021. (Oxford University Studies in the Enlightenment 2021:09). С. 101–124.
26. Мусаев М. А., Абакаров И. М. *Джонас Хенвей и Луи Базен о Дагестанском походе Надир-шаха 1741–43 гг.* // *История, археология и этнография Кавказа*. 2019. Т. 15. № 4. С. 556–572.
27. Otter, J. *Voyage en Turquie et en Perse: avec une relation des expéditions de Tahmas Kouli-Khan*. Paris: Freres Guérin, 1748.
28. Pithander von der Quelle (Fassmann D.). *Herkunft, Leben und Thaten des Monarchens Schach Nadyr, vormals Kuli-Chan genannt, samt historischen Erzählungen und Nachrichten, so das weitläufftige Reich und seine gehabten Fata, sonderlich aber die letztere grosse Revolution, unter denen dreyen Haupt-Rebellen, Miriweys, Maghmud und Eschref, wie auch die Regierungs-Art, Religion, Gebräuche und Gewohnheiten betreffen*. Leipzig; Rudolstadt: [s. n.], 1738.
29. Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
30. Spilman J. *A Journey Through Russia into Persia: by Two English Gentlemen, Who Went in the Year 1739, from Petersburg, in Order to Make a Discovery How the Trade from Great Britain Might Be Carried On from Astracan over the Caspian. To Which is Annex'd, a Summary Account of the Rise of the Famous Kouli Kan, and His Successes, Till He Seated Himself on the Persian Throne*. London: R. Dodsley, 1742.
12. Gozalova NR. Russian diplomatic representatives in the Afshars' state. *Historia i Świat*. 2025; (14): 231-242.
13. Hanway J. *An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with a journal of travels through Russia into Persia*. London: Dodsley, 1753. Vols. 1-4.
14. Jaucourt L. de. *Persian Empire; Homeland*. In: *Encyclopédie... Vol. 12*. Paris: Briasson, 1765: 178-180; 501-507.
15. Jones W. *History of Nader Shah*. London: Elmsly, 1770.
16. Jones W. *The history of the life of Nader Shah*. London: Cadell, 1773.
17. Claustre A. de. *History of the Persian Shah Tahmas Kuli-Khan*. St. Petersburg: At the Noble Cadet Corps, 1762. (In Russ)
18. Krusiński T. J. *History of the latest revolution in Persia*. Amsterdam: Gross & Neaulme, 1728. Vols. 1-2.
19. Krusiński T. J. *The history of the late revolutions of Persia. 2nd ed*. London: J. Osborne, 1740. 2 vols.
20. La Mamie de Clairac L.-A. *History of Persia, since the beginning of this century*. Paris: C. A. Jombert, 1750.
21. Lockhart L. *Nadir Shah: a critical study based mainly upon contemporary sources*. London: Luzac & Co., 1938.
22. Lockhart L. *Nadir Shah. A critical study... Translated by N. P. Gezalova*. Baku: Ganun, 2004. (In Russ)
23. Mañer S. J. *Life of Thamas Kouli-Kan: from his birth until his triumphant entry into Isfahan, after his victorious campaigns against the Great Mogul and Greater Bucharia*. Madrid: Imprenta del Reyno, at the house of Juan del Castillo, 1741.
24. Matthee R. *The wrath of God or national hero? Nader Shah in European and Iranian historiography*. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2024; 34(1): 109–127.
25. Minuti R. *Oriental patriotism? Eighteenth-century French representations of Nadir Shah*. *Persia and the Enlightenment / C. Masroori, W. Mannies, J. C. Laursen (eds.)*. Oxford: Voltaire Foundation; Liverpool University Press, Oxford University Studies in the Enlightenment. 2021;09: 101-124.
26. Musaev MA., Abakarov IM. *Jonas Hanway and Louis Bazin on the Dagestan campaign of Nadir Shah in 1741–43*. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2019; 15(4): 556-572. (In Russ)
27. Otter J. *Voyage to Turkey and Persia: with an account of the expeditions of Tahmas Kouli-Khan*. Paris: Frères Guérin, 1748.
28. Pithander von der Quelle (Fassmann D.). *Origin, life and deeds of the monarch Shah Nadyr, formerly called Kuli-Chan, along with historical narratives and news regarding the vast empire and its fates...* Leipzig; Rudolstadt, 1738.
29. Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
30. Spilman J. *A journey through Russia into Persia: by two English gentlemen, who went in the year 1739, from Petersburg, in order to make a discovery how the trade from Great Britain might be carried on from Astracan over the Caspian...* London: R. Dodsley, 1742.

Поступила в редакцию 01.12.2025

Принята в печать 10.02.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 01.12.2025

Accepted 10.02.2026

Published 30.06.2026